И.А.Бодуэн де Куртене и ˝кашубский вопрос˝

В.И.Ермола
Санкт-Петербургский государственный университет

славистика, кашубистика

Иван Александрович Бодуэн де Куртене проявил свой выдающийся лингвистический талант во многих областях языкознания, о чем написано и сказано очень много и достаточно подробно. Однако о его позиции по вопросу статуса кашубского языка и его месте среди других славянских языков знают немногие. Конец XX, начало XXI века ознаменовались повышенным интересом к кашубскому языку, кашубской литературе и ко всему тому, что принято называть кашубской проблематикой. Теперь она вновь стала объектом исследований лингвистов, литературоведов, фольклористов, этнографов, искусствоведов. Во многом это связано со значительными изменениями в политической, социальной, экономической жизни современного европейского сообщества, со снятием многих запретов, существовавших в прежней общественно-политической формации. Прежде чем обратиться к описанию взглядов на кашубский вопрос И.А. Бодуэна де Куртене, не помешает кратко обобщить взгляды на эту проблему его предшественников. К тому же само существование этого самобытного славянского народа для многих ученых, не занимающихся славистикой, является откровением.

Первые попытки более или менее серьезного изучения кашубской проблематики можно датировать серединой XIX века, хотя самое первое ее упоминание в научной литературе произошло в 1828 году. Польский ученый Кшиштоф Целестин Мронговиус (1764-1855) опубликовал тогда статью о кашубском языке в журнале ˝Baltische Studien, где он отметил, что было бы очень полезно, если бы кто-нибудь из языковедов объехал все кашубские деревни, собрал старые слова и издал диалектический кашубский словарь.

Слова К.Ц. Мронговиуса нашли живой отклик у петербургских славистов, которые обратили внимание европейской общественности на трагическую судьбу небольшого славянского народа (число говорящих по-кашубски до сих пор точно не определено. Считается что их около трехсот тысяч), издревле живущего на южном берегу Балтийского моря, на стыке двух крупнейших языковых и культурных стихий Европы – мира славянских и германских народов. Произошло это, видимо, потому, что польский ученый упоминал о некоторых чертах и признаках, общих для русского и кашубского языков. Правда, в последствии выяснилось, что он ошибался на этот счет. По поручению Петербургской Академии Наук в 1840 году в Кашубию направился Петр Иванович Прейс.

П.И. Прейс (1810-1846) в том же году в ˝Журнале Министерства Народного Просвещения˝ печатает ˝Донесение господину Министру Народного Просвещения, из Берлина, от 20 июня 1840 года˝, ставшее первой попыткой научно охарактеризовать язык кашубов.

На основании собранного материала исследователь выделил тринадцать пунктов, по которым кашубский язык отличается от польского (двенадцать из них – фонетические различия).

Истинный ученый, Прейс сразу же понял своеобразие вновь открытого для славистики языка, оценил перспективы его изучения: ˝...надобно сожалеть, что кашубы до сих пор так мало обращали на себя внимание исследователей˝ [Прейс 1840: 11]. К сожалению, ранняя смерть не позволила П.И. Прейсу воплотить в жизнь эти замыслы.

˝Сборник…˝ попадает в руки Измаила Ивановича Срезневского (1812-1880), который уже и ранее интересовался кашубской проблематикой, будучи в Германии и ознакомившись со статьями своего коллеги по организации преподавания славян-

ской филологии в российских университетах П.И. Прейса. Публикации и комментарии И.И. Срезневского вызвали, в свою очередь, интерес к языку кашубов у известного русского филолога Александра Федоровича Гильфердинга (1831-1872), который уже давно проявлял интерес к истории поморских славян. В 1855 году он публикует книгу ˝История балтийских славян, в 1861 году выходит книга ˝Борьба славян с немцами на балтийском Поморье в средние века˝, ставшая продолжением первой. В своих трудах он обобщил все известные к тому времени сведения о балтийских славянах с самых древнейших времен.

На основании своих исследований А.Ф. Гильфердинг делает следующий вывод: ˝Свидетельство признаков лингвистических, подкрепляемое разными историческими фактами, наводит на мысль, что польский язык и язык прибалтийских славян составляли одну общую ветвь славянской речи, ветвь, которую можно назвать ляшской, и что ветвь эта разделилась на два наречия, Польское и Прибалтийское, точно так же, как, например, Русская ветвь разделилась на наречия Белорусское и Малорусское˝ [Гильфердинг 1856: 81].

В 1897 году в Санкт-Петербурге выходит из печати труд российского ученого финского происхождения Йосеппи Юлиуса (Иосифа Андреевича, как его называли русские) Микколы (1866-1946) ˝К изучению кашубских говоров. Несколько заметок по кашубским говорам в Северо-восточной Померании˝. Живо заинтересовавшись исследованиями А.Ф. Гильфердинга, Миккола предпринял путешествие в Кашубию в 1896 году и в трех деревнях собрал свой собственный материал.

Вышеперечисленные работы российских ученых, а также труды польских и немецких исследователей привлекли к кашубской проблематике внимание выдающегося петербургского (в то время) лингвиста Ивана Александровича (Яна) Бодуэна де Куртене (1845-1929). Особо впечатлил его вышедший в Кракове в 1893 году ˝Словарь поморского или кашубского языка˝ львовского ученого Стефана Рамулта. Несколько ранее, в 1889 году, эта работа получила награду на конкурсе имени С.Б. Линде Академии Наук. Во вступительной части автор приводит некоторые сведения о кашубах и их языке, этнографическо-исторический очерк, статистические сведения о численности кашубов и территории, которую они занимают, описывает фонетический строй кашубского языка, его диалекты, сравнивает кашубский язык с польским, определяет место кашубского языка в ряду других славянских языков, дает обзор трудов по кашубской лексикографии. Словарная часть содержит 14000 слов. Автор включил туда все известные ему слова, сообщив при этом, что все слова собраны им ˝из уст народа, а не книг˝, однако, не дал никаких сведений о способе сбора материала.

Появление этой работы вызвало дискуссию в российской научной литературе, которая заставила Бодуэна де Куртене высказать и свое мнение о языке кашубов и его статусе. В Исследовании ˝Кашубский язык, кашубский народ и ˝кашубский вопрос˝, опубликованном в апрельском и майском номерах ˝Журнала Министерства Народного Просвещения˝ за 1897 год, он, решительно отделив научную сторону проблемы от политической, дал ей чрезвычайно полную и подробную оценку.

Взгляды С. Рамулта подверглись тщательному анализу, его выводы подверглись строгой, но справедливой критике. Так, по мнению И.А. Бодуэна де Куртене, принципиальной ошибкой львовского ученого было то, что он употребил термин ˝язык˝: ˝Вообще следует избегать в языкознании термина ˝язык˝, когда дело идет о живых языковых явлениях. Этот термин годится только для обозначения искусственного литературного языка, являющегося с одной стороны какою-то отвлеченностью из самых различных фактически существующих, индивидуальных языков, с другой стороны условно нормой, объединяющей в литературном и другом отношениях большее или меньшее количество людей, считающих себя членами одного и того же языкового общества… Для живых, естественным путем развивающихся проявлений

языковой деятельности, уместнее употреблять выражение ˝языковая область˝, ˝языковая территория˝ [Бодуэн де Куртенэ 1897: 323].

Бодуэн де Куртене обобщил взгляды своих предшественников на положение кашубского языка среди других славянских, сведя их к следующим пяти пунктам:

1. Речь кашубов и словинцев не есть вовсе наречие польского языка, но особый славянский язык.
2. Речь кашубов и словинцев, равно как и речь полабян, представляют наречие одного и того же языка.
3. Группу наречий, представляемых речью полабян, словинцев и кашубов, следует назвать поморскою.
4. Поморский язык, то есть группа поморских наречий, принадлежит к семье западно-славянских языков.
5. Семья западно-славянских языков делится на четыре группы: а) чешско-словацкую (моравскую); б) сербскую (лужицко-сербскую); в) польскую; г) поморскую.

Последний пункт Бодуэн де Куртене прокомментировал следующим образом: ˝По-моему, следует принять в западнославянском мире или только три группы: а) сербо-лужицкую, б) чешско-словацкую, в) польско-поморскую или же целых шесть: а) словацкую, б) чешскую, в) верхне-сербо-лужицкую, г) нижне-сербо-лужицкую, д) польскую, е) поморскую [Бодуэн де Куртенэ 1897: 342].

Он отвергает и точку зрения Г. Поблоцкого [„Prace Filologiczne˝ II 1887: 314], утверждавшего, что кашубский говор – говор великопольского диалекта: ˝Я позволю себе быть другого мнения, утверждая, что все кашубские говоры, вместе взятые, составляют особое целое, в противоположность всем польским говорам, вместе взятым˝ [Бодуэн де Куртенэ 1897, I: 343]. Для того чтобы показать это, Бодуэн де Куртене подробно описал пять особенностей, противопоставляющих язык кашубов польскому. Сделал он это весьма убедительно, поэтому более вопрос о статусе кашубского языка в дореволюционной России не поднимался.

Интересен тот факт, что практически все российские исследователи кашубской проблематики, начиная с середины XIX века, вскоре после того, как кашубы были ˝открыты˝ для науки, а сами они побывали в Кашубии, высказывали серьезные опасения за судьбу этого народа. Ученые ставили под сомнение само существование в ближайшем будущем кашубов как самостоятельного народа, пользующегося своим чрезвычайно своеобразным, архаичным и потому весьма привлекательным для лингвистов, языком.

˝Для нас должно быть любопытно и дорого всякое сведение, касающееся славянского мира, даже в самых отдаленных и заброшенных его углах; притом же кашубская речь, особенно в Померании, где ее тип сохранился чище и где она заключает в себе наиболее своеобразных форм и слов, любопытных для филолога, так быстро вымирает, что через двадцать или тридцать лет она, быть может, заглохнет вовсе˝, писал А.Ф. Гильфердинг [Гильфердинг 1862: 3]. Еще более пессимистично был настроен историк П.А. Лавровский: ˝Принадлежа также к племени ляшскому, будучи ближайшими родичами нынешних поляков, как и давно уже исчезнувшие с лица земли славяне полабские, кашубы все более и более стесняются на родной земле..., свидетельствуя на каждом шагу и в каждом проявлении своего быта о близости окончательной гибели своей народности под непрерывающимся систематическом и ловким давлением господствующего племени и правительства. Самый увлекающийся оптимист-славянин не откроет в нынешнем народном, политическом и экономическом положении кашубов никаких залогов прочного их бытия в будущем; напротив, встретит все данные их скорого исчезновения˝ [Лавровский 1873: 1-2].

В XX веке в силу весьма очевидных причин, к сожалению, интерес к кашубской проблематике у российских ученых заметно ослабевает, несмотря на то, что этот славянский народ отнюдь не исчез с лица земли, вопреки самым неутешительным

˝прогнозам˝. Однако в несомненную заслугу им можно поставить и то, что они привлекли внимание европейской общественности к судьбе этого народа. На основании их свидетельств, были поданы прошения прусскому правительству и прусскому королю. В 1846 году кабинетным повелением разрешено было преподавать закон божий в кашубских землях на ˝родном языке˝, а пятидесятых годах того же века в католической гимназии города Вейхерово было введено обучение кашубскому языку. Но все это произошло уже после того, как в двадцатые годы XIX века в научном мире возник интерес к Кашубии – этому весьма своеобразному ареалу в славянском мире.

Литература

Бодуэн де Куртене И.А. Кашубский ˝язык˝, кашубский народ и ˝кашубский вопрос˝ // Журнал Министерства Народного Просвещения. Ч. CCCX.- СПб. 1897.- апрель-май.

Гильфердинг А.Ф. Борьба славян с немцами на Балтийском Поморье в средние века. – СПб. 1861. – 124 с.

Гильфердинг А.Ф. История балтийских славян. – М., 1855. – 332 с.

Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном берегу Балтийского моря. – СПб., 1862. – 192 с.

Лавровский П.А. Этнографический очерк кашубов. – Филологические записки. Т. 12, 1873, вып. IV-V. С. 1-10.

Миккола И.А. К изучению кашубских говоров. – СПб., 1897. – 20 с.

Прейс П.И. О кашубском языке: Донесение П. Прейса г. Министру Народного Просвещения из Берлина от 20 июня 1840 года. – Журнал Министерства Народного Просвещения, ч. XXVIII, СПб., 1840. – отд. IV, с. 1-24.

Цейнова Ф. Сборник основных слов кашубского наречия // Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики (русского языка и других славянских наречий). – Изд. II Отд. Имп. Академии Наук. Том V, СПб., 1861, с. 258-272.